

Михаил Салтыков-Щедрин

Приезд ревизора

Невинные рассказы

Михаил Салтыков-Щедрин

Приезд ревизора

«Public Domain»

Салтыков-Щедрин М. Е.

Приезд ревизора / М. Е. Салтыков-Щедрин — «Public Domain»,
— (Невинные рассказы)

Содержание

I	5
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

Приезд ревизора

I

В 18**году, декабря 9 числа, статский советник Фурначев получил из С.-Петербурга, от благоприятеля своего, столоначальника NN департамента, письмо следующего содержания:

«Милостивый Государь! Семен Семеныч!

Поспешаю почтеннейше известить вас, что в непродолжительном времени имеет быть к вам на губернии статский советник Максим Федорович Голынцев. Будет у вас под предлогом освидетельствования богоугодных заведений, в действительности же для доскональных разузнаний о нравственном состоянии служащих в вашей губернии чиновников. Качества Максима Федоровича таковы: словоохотлив и добросердечен; любит женский пол и тонкое вино; выпивши, откровенен и шутив без меры; в особенности уважает людей, которые говорят по-французски, хотя бы то были даже молокососы; в карты играет, но насчет рук и так далее – ни-ни! Засим, вверяя себя и свое семейство вашему неоставлению, прошу вас принять уверение в совершенном почтении уважающего вас

Филиппа Вертявкина.

Р. S. Милостивой государыне Настасье Ивановне от меня, от жены и от всех детей нижайшее почтение.

NB. Еще любит Г., чтоб его называли «вашим превосходительством». Чуть не забыл».

– Однако это скверно! – говорит статский советник Фурначев, прочитавши письмо, – что бы такое значило: «насчет рук ни-ни»! Ведь это выходит, что он... ни-ни!

Семен Семеныч в волнении ходит по комнате и, наконец, кричит в дверь:

– Настасья Ивановна! Настасья Ивановна!

Входит Настасья Ивановна, облаченная в глубокий неглиже. Глаза ее несколько опухли, и вообще выражение лица сердито, потому что она только что часок-другой соснула. Семен Семеныч посмотрел на ее измятое лицо и с досадою плюнул.

– Опять ты спала! – сказал он, глядя на нее с глубоким омерзением, – хоть бы ты в зеркало, сударыня, посмотрела, на что ты сделалась похожа! И откуда только сон у тебя берется!

– Если вы только за тем меня позвали, чтоб ругаться, так напрасно трудились!

Настасья Ивановна хочет удалиться.

– Да постой, постой же, сударыня! получил я сегодня письмо... едет к нам ревизор... и, как видно, неблагонамеренный... потому что тово... ни-ни...

Семен Семеныч топчется на месте и не знает, как выразиться. Он убежден, что ревизор человек неблагонамеренный, но почему-то не умеет сформулировать оснований, на которых зиждется это убеждение.

– Так вы тово... поприоденьтесь немного! – продолжает он, совсем спутавшись.

– Вот как вы испугались, что уж и бог знает что говорите! – замечает Настасья Ивановна, читая письмо Вертявкина, – точно уж и приехал ваш ревизор! Однако я по всему вижу, что он должен быть очень милый человек, этот ревизор, потому что любит дамское общество!..

– Да, только не наше с вами... эй, человек! лошадь!

Семен Семеныч отправляется к генералу Голубовицкому и застаёт его в большом беспокойстве. До сведения его превосходительства дошло, что один из важнейших в городе чиновников, будучи на собственном своем сговоре, происходившем по случаю предстоящего бракосочетания его с дочерью потомственного почетного гражданина Хрептюгина, внезапно вскочил из-за стола и начал бить стекла в окнах беломраморного зала нареченного тестя.

– Ты это что, ваше высокородие, делаешь? – спросил его изумленный хозяин.

– А вот я таким манером всех противляющихся мне сокрушаю! – отвечал жених и с этими словами вышел из дома.

Встревоженный генерал большими шагами ходит по комнате. Он справедливо рассуждает, что если высшие сановники, эти, так сказать, административные дупельшнепы, в порывах горячности допускают себя до подобного малодушества, то каким же образом должны поступать зуйки, поручейники, кулички и прочая мелкая болотная дичь?

– А мы еще как радовались за Павла Тимофеича, что они такую прекрасную партию делают! – замечает стоящий в углу маленький чиновничек, занимающий должность доверенного лица при особе его превосходительства.

– Что ж, пьян, что ли, он был?

– Должно быть, не без того-с, ваше превосходительство; они, смею вам доложить, довольно-таки этому привержены... только все больше в одиночестве занимаются-с и велят себя в этих случаях запирать... Ну, а тут и при народе случилось...

Генерал продолжает ходить и волноваться.

– И еще случай есть, ваше превосходительство, – робко говорит чиновник.

– Ну, что там еще?

– В Песчанолесье стряпчий с городничим-с... тоже на именинах дело было-с...

– Нельзя ли докладывать скорее, без мазанья!

– И стряпчий городничему живот укусил-с! – оканчивает скороговоркой чиновник.

– Господин Фурначев приехали, – докладывает лакей.

– Ну, этого зачем еще черт принес! – восклицает взволнованный генерал, – просить!

Семен Семеныч входит и улыбается. С одной стороны, он очень рад видеть его превосходительство в добром здоровье, с другой стороны, ему весьма прискорбно, что имеет сообщить известие, которого последствий никто, даже самый проницательный человек, предугадать не в силах.

– Да что же такое? неужто еще кто-нибудь подрался? – спрашивает генерал.

– Никак нет-с, ваше превосходительство, но наша губерния... Впрочем, может быть, это и к лучшему-с...

– Да говорите же! что вы душу-то мне тянете!

– Ревизор, ваше превосходительство, ревизор к нам в скором времени прибыть должен!

При слове «ревизор» с генералом едва не делается дурно.

– Кто сказал «ревизор»? какой ревизор? откуда ревизор? – спрашивает он, вдруг весь вспыхнув и уже застегивая машинально пальто на все пуговицы.

– Успокойтесь, ваше превосходительство! – продолжает Семен Семеныч, – ревизор, скажут, охотник больше до дамского общества...

– Гм... от кого же вы получили это известие?

– Есть в Петербурге один благодетельствованный мною столоначальник-с...

– Это неприятно! это тем более неприятно, что тут же разом случились две пасквильные истории. Скажите, пожалуйста, вы были у Хрептюгина в то время, как Павел Тимофеич стекла бил?

– Как же-с; я был в числе приглашенных...

– Что же такое с ним сделалось? Вот чего я понять не могу!

– С Павлом Тимофеичем это нередко бывает, ваше превосходительство! только он до сих пор умел это скрыть-с. Сидели мы целый вечер, и все как будто ничего; и он тоже тут был – ну и тоже ничего-с... Только за ужином – должно быть, не присмотрели за ним, – вот он сначала хереску-с, потом мадерцы-с, да вдруг и встал из-за стола: «Музыканты! камаринскую!» – говорит. Я, видевши, что он уж вне себя, подозвал Хрептюгина и говорю ему; «Ведь Павла-то Тимофеича надобно убрать!» Не успел я это сказать, как уж и пошел по зале набат-с... Впрочем, это еще, ваше превосходительство, уладится: Павел Тимофеич уж объяснился с нареченным тестем...

– Ну, а слышали вы другую историю – это еще почище будет: в Песчанолесье стряпчий городничему живот прокусил!

– Ах, страм какой!

– Расскажи-ка, братец, расскажи! – обращается генерал к доверенному чиновнику, – нечего сказать, хорош сюрприз для ревизора будет!

– Были они, – начинает чиновник, – на именном вечере; только и начал стряпчий хвастаться: «Я, говорит, здесь все могу сделать!» Ну, городничему это будто обидно показалось; он возьми да и ударь стряпчего по лицу: «что-то, мол, ты против этого сделаешь!» А стряпчий, как ростом против городничего не вышел, вцепился ему зубами в живот-с...

– Ах, страм какой! – повторяет господин Фурначев.

– И вот после этого милости просим тут пользу какую-нибудь для края принести! – говорит генерал, разводя руками.

II

Весть об ожидаемом приезде ревизора мгновенно разнеслась по городу. У тех из чиновников, у которых всякое душевное волнение выражается трясением поджилков, таковое совершилось благополучно. Город оживился, но это оживление было какое-то бездушное, похожее на ту суету, которая начинается во всяком губернском городе с утра каждого высокотождественного праздника и продолжается ни более, ни менее, как до известного, судьбой определенного срока. Петр Борисыч Лепехин, охотник поиграть в двухкопеечный преферанс, внезапно вспомнил, что высшее начальство непоощрительно смотрит на такое невинное препровождение времени, и призадумался. Он почел долгом немедленно справиться об этом в Своде законов, и хотя ничего похожего на угрозу там не нашел, но на всякий случай, пришедши вечером в клуб, не только сам не торопился составить партию, но даже отказался наотрез от карточки, которую предлагал ему Порфирий Петрович.

Федор Герасимович Крестовоздвиженский, пришедши в присутствие, потребовал немедленно к себе какие-то четыре дела («знаете: те дела, по которым...») и, обнюхавши их, вдруг пришел в восторженность, замахал руками и закричал: «Завтра же! сегодня же! катать их! под суд их!»

Иван Павлыч Вологжанин неумоимо начал разъезжать по всем знакомым и собирать полезные сведения о житье-бытье крутогорских обывателей, дабы, в случае надобности, преподнести этот букет господину ревизору и чрез то заявить свою деятельность и преданность.

В будку, которая с самой постройки своей никогда не видала будочника и оставлена была без стекол, поставили первого и вставили последние.

Пожарных лошадей выкормили, как индеек Ивана Ивановича.

Словом, всякий готовился к принятию ревизора по-своему. Только частный пристав Рогуля оказал при этом твердость духа, достойную лучшей участи. Когда ему сказали, что будет, дескать, ревизор и не мешало бы по этому случаю поболее бодрствовать и поменьше спать, то он только поковырял в носу, испил квасу, до которого был большой охотник, и молвил:

– Знаем мы этих ревизоров! не первый год на свете живем!

Но самая хлопотливая и трудная часть деятельности выпала на долю генеральши Голубовицкой. Она кстати вспомнила, что бедные города Крутогорска что-то давно не получали никакого пособия и что такое благотворительное дело всего приличнее могло быть устроено в глазах ревизора. Поэтому на совете, составленном из лиц приближенных и известных своею преданностью, было решено: немедленно устроить благородный спектакль, а если окажется возможным, то и живые картины.

– Помилуйте, Дарья Михайловна! какие же могут быть у нас живые картины! вы посмотрите на наших дам! – возражает старинный наш знакомый, Леонид Сергеевич Разбитной.

Но Дарья Михайловна, которая имеет весьма развитой стан и вообще удачно сложена, настаивает на необходимости живых картин. Выбор останавливается на четырех картинах: «Рахиль, утоляющая жажду Иакова», «Любимая одалиска», «Молодой грек с ружьем», «Дон-Жуан и Гаиде».

– Я могу взять на себя диетуру Иакова! – говорит молодой товарищ председателя уголовной палаты, Семионович, и поспешно прибавляет: – А если угодно, то и Дон-Жуана...

Дарья Михайловна в недоумении. Семионович, без сомнения, очень достойный молодой человек и отлично знает уголовные законы, но, во-первых, он имеет привычку постоянно издавать носом какой-то неприятный свист, а во-вторых, и фигура у него какая-то странная, угловатая... очень будет нехорошо! Дарье Михайловне хотелось бы отдать эти две фигуры учителю

гимназии Линкину, который имеет и все нужные для того качества и к которому она чувствует род тихой дружбы.

– Вы, мсьё Семионович, будете слишком утомлены спектаклем, – говорит она.

– Это ничего, – отвечает Семионович, – я работаю скоро и легко...

– Ну, Гаиде, Одалиска и Рахиль – об этих фигурах нечего и говорить! – вступается кругленький помещик Загржембович, – эти фигуры по праву принадлежат Дарье Михайловне; но кому отдать Ламбро?

– Архивариусу губернского правления! – предлагает Разбитной.

– Вы всегда с вашими шутками, мсьё Разбитной! – говорит Дарья Михайловна, – messieurs, кто желает взять на себя Ламбро?

– Я бы охотно ее взял, – вступается Семионович, – но у меня Дон-Жуан!

– Так вы Дон-Жуана уступите... хоть мсьё Линкину!

– Признаюсь вам, что для меня положение Дон-Жуана больше симпатично... тут есть страсть, есть жизнь...

– Зато Ламбро может одеться в красный плащ, – замечает весьма основательно Разбитной, – и тут может быть великолепный effet de lumiere!

– Итак, Дон-Жуан – мсьё Линкин, Ламбро – мсьё Семионович, – говорит Загржембович, – но здесь возникает вопрос, на счет каких сумм сделать костюм для Дон-Жуана, потому что мсьё Линкин не имеет даже достаточно белья, чтобы ежедневно пользоваться чистой рубашкой?

– Можно как-нибудь из благотворительных сумм, – отвечает Дарья Михайловна.

– Да кстати бы уж и рубашку ему чистую сшить, – прибавляет Разбитной, которому досадно, что Дон-Жуан будет не он, а Линкин.

– Вы опять с вашими шутками, – сухо замечает Дарья Михайловна.

– Ну-с, хорошо-с; эта статья устроена; теперь кто же будет «Молодой грек с ружьем»?

Молодого грека должна взять на себя особа женского пола – это несомненно; ружье можно достать из гарнизонного батальона – с этой стороны тоже нет препятствия. Но кто же из крутогорских дам согласится изобразить фигуру, которая в некотором смысле делает ущерб общественной нравственности? Первое благо, которым должен обладать Молодой грек, заключается в большом и остром носе – кто из дам таковым обладает? Судили-судили, и наконец глас народный указал на коллежскую асессоршу Катерину Осиповну Немиолковскую, которая, имея точь-в-точь требуемый нос, охотно согласится облачиться и в противоестественный мужской костюм. Постановлено: отправить завтрашний день к Катерине Осиповне депутацию и усерднейше просить ее пожертвовать собой на пользу общую.

– Стало быть, живые картины улажены... Что же касается до спектакля, messieurs, – говорит Дарья Михайловна, – то он будет составлен из следующих пьес:

В ЛЮДЯХ АНГЕЛ, НЕ ЖЕНА, ДОМА С МУЖЕМ САТАНА

Комедия в 3-х действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Г. Славский Мечислав Владиславович Семионович

Г-жа Славская Аглаида Алексеевна Размановская

Г-жа Трефкина Анфиса Петровна Луковицына

Г-жа Небосклонова Анна Семеновна Симиас

Размазня Федор Федорович Шомполов (самородный комик, процветающий в палате государственных имуществ в должности помощника чего-то или кого-то)

Прындик Леонид Сергеевич Разбитной
Лакей 1-ый Экзекутор губернского правления
Лакей 2-ой Стуколкин

ЧИНОВНИК

Комедия в 1-м действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Княгиня Дарья Михайловна Голубицкая
Полковник Леонид Сергеевич Разбитной
Мисхорин Семен Семенович Линкин
Надимов Мечислав Владиславович Семионович
Дробинкин Федор Федорович Шомполов.

– Кажется, messieurs, таким образом будет хорошо? – прибавляет Дарья Михайловна, прочитав список ролей.

Все находят, что отлично.

– Теперь, господа, – вступается Семионович, – необходимо выбрать нам режиссера... Я предлагаю возложить эту обязанность на Алоизия Целестиновича Загржембовича.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.